

ИСТОРИЯ

УДК 94(470) «1741-1760»

К.Д. Бугров

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ» ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ ЭРЫ: ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В ПРИДВОРНОЙ ПРОПОВЕДИ 1740-х – 1750-х гг.

Настоящая статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук № МК-5914.2018.6 («Роль церковной проповеди и панегирика в российской политической культуре XVIII в.»).

Рассматривается легитимационная идеология императрицы Елизаветы Петровны, сформированная стараниями церковных иерархов и проповедников на протяжении 1740-х – 1750-х гг. Хотя середину XVIII в. часто считают эрой секуляризации, на практике религиозный способ размышлять о политике оставался чрезвычайно значимым. Манифесты Елизаветы о вступлении на престол комбинировали различные аргументы в пользу легитимности дочери Петра Великого (завещание Екатерины I, династическая легитимность, общее желание подданных, Божий промысел), весьма скоро доминирующим в идеологии нового царствования стал именно богословский подход.

Ключевые слова: Российская империя; монархизм; абсолютизм; проповедь; Елизавета Петровна.

При изучении политической культуры России XVIII в. исследователи часто указывают на то, что основное содержание данного периода отечественной истории заключалось в секуляризации и вестернизации. Еще П.Н. Милоков отмечал в знаменитых «Очерках по истории русской культуры»: «В целом общественном слое традиционные формы веры, неприспособленные к новым формам жизни, отмирали мало-помалу, оставляя одну пустоту, нечувствительную для большинства и поэтому не заполненную своевременно никакими новыми формами. <...> Почва была неблагоприятна для распространения сознательного отношения к вопросам веры и нравственности в шляхетской среде. Шляхетство не могло усвоить себе нового мировоззрения, которое бы на религиозных началах устраивало его отношение к новым основам жизни» [1. С. 218]; лидер кадетской партии с легкостью отмахнулся от богословской традиции в российской интеллектуальной истории. И впрямь: большинство обобщающих очерков по истории отечественной социально-политической мысли из церковных авторов XVIII столетия уделяет внимание только Феофану (Прокоповичу) и «Правде воли монаршей», составленной Феофаном (или, по крайней мере, при его деятельном участии). После Феофана представители политического богословия в российской традиции исчезают со страниц большинства обобщающих исследований [2. С. 31–43; 3. С. 172–218], а концепция божественного происхождения власти фигурирует в основном как безликая манифестация некоей политической традиции, имманентно присущей России [4. С. 301–302].

Вопрос о том, какую роль богословская традиция в действительности играла в развитии российской политической культуры XVIII в., весьма сложен и, конечно, выходит далеко за рамки отдельной статьи [5; 6]. Тем не менее в рамках настоящей статьи мы должны указать на один из аспектов этого вопроса. Традиция описания политической культуры России Нового времени как культуры, основным процессом развития

которой является процесс секуляризации и вестернизации (два этих феномена часто понимаются исследователями как синонимы), игнорирует тот факт, что вестернизация с легкостью могла разворачиваться и в богословской, религиозной сфере и что характеристика европейской культуры XVIII в. как всецело светской является заведомо неточной – «авторитетную топику» церковной проповеди и панегирика следует, вслед за Ю.В. Кагарлицким, признать основным ресурсом «имперского дискурса» в России Нового времени [6]. Религиозный панегирик оставался востребованным жанром в России 1-й половины XVIII в., а церковный дискурс продолжал доминировать, особенно за пределами узкого круга придворно-административной элиты, оставаясь принципиально значимым для властной идеологии [7. Р. 137; 8. Р. 37]. С другой стороны, менялся и состав высшего слоя церковных иерархов: в 1-й половине XVIII в. во главе русской церкви встали «не просто представители нового поколения, но люди, в мышлении которых сочетались две культурные традиции: православная и западноевропейская» [9. С. 89].

Мы рассмотрим проблему функционирования политического богословия на примере стратегий легитимации императрицы Елизаветы Петровны. Как показывают исследования Е.И. Кисловой, годы царствования Елизаветы были временем резкого взлета в публикации проповедей – взлета, который по масштабам российского книгоиздания XVIII в. был весьма значительным – Елизавета сделала издание придворных проповедей обязательным, а суммарный тираж изданий придворных проповедей за 1741–1752 гг. составил свыше 50 000 экземпляров [10. С. 66]. Конечно, и до елизаветинской эпохи церковные иерархи – яркие ораторы и проповедники – играли важную роль в легитимации российской монархии: достаточно вспомнить Феофана (Прокоповича) или Гавриила (Бужинского). Однако ситуация царствования Елизаветы Петровны была новой: впервые в России XVIII в. царствующая особа заняла трон в результате

переворота, сместив и подвергнув тюремному заключению предыдущего монарха.

Легитимность Елизаветы была проблемной, и окружению новой государыни пришлось приложить все усилия, чтобы оправдать и объяснить переворот 1741 г. Российский историк И.В. Курукин справедливо называет елизаветинское царствование «новым периодом воздействия на умы подданных», отмечая, что «официальные акты и проповеди тех лет создавали идеологическую доктрину елизаветинского царствования: восстановление петровских “начал” при крайне негативной характеристике периода 1725–1741 гг. как времени господства “иноземцев”» [11. С. 459]. Складывалась, по выражению современного исследователя А.В. Петрова, своеобразная «мифология власти», опиравшаяся на «культ предков» Елизаветы [12. С. 152–154]. Легитимация новой государыни, впрочем, была многослойной, и «культ предков» был встроен в более сложную интеллектуальную систему. Чрезвычайно важную роль в этой системе играли именно усилия верхушки церковной иерархии: как отмечает Е.И. Кислова, «роль духовной литературы как важнейшего инструмента формирования общественного мнения была хорошо понята Елизаветой» [10. С. 61]. Какова же была идеологическая основа елизаветинской легитимности?

Наиболее авторитетным ресурсом легитимации были, разумеется, придворные манифесты – законодательные акты верховной власти, с помощью которых до подданных доводилась официальная точка зрения – а также церемонии. В *кратком манифесте* от 25 ноября 1741 г., сообщившем о восшествии Елизаветы на трон, отмечалось, что по причине младенчества бывшего императора Ивана VI «правление Государственное чрез разные персоны и разными образами происходило», от чего «уже как внешние, так и внутрь Государства беспокойства и непорядки, и, следовательно, немалое же разорение всему Государству последовало б». Чтобы исправить ситуацию, «все Наши, как духовного, так и светского чинов верные подданные, а особливо Лейб-Гвардии Наши полки всеподданнейше и единогласно Нас просили, дабы Мы, яко по крови ближняя, Отеческий Наш Престол всемилостивейше восприять соизволили» [13. С. 537]. Итак, смена монарха обосновывалась в манифесте тремя доводами: Елизавета «восприяла» престол, во-первых, «по законному праву», во-вторых, «по близости крови к Самодержавным Нашим вседражайшим Родителям» (Петру I и Екатерине I – впервые трон России занял монарх, у которого оба родителя были российскими самодержцами), и, в-третьих, «по всеподданнейшему Наших верных подданных единогласному прошению».

Пространный манифест Елизаветы от 28 ноября 1741 г. детально раскрывал первый аргумент из числа приведенных в кратком манифесте, поскольку открывался ссылкой на завещание Екатерины I, устанавливавшее порядок наследования престола в случае отсутствия потомства у Петра II. Завещание, однако, было скрыто «недоброжелательными и коварными происками» графа А.И. Остермана, в то время как Анна Иоанновна была избрана на престол «мимо»

Елизаветы. О легитимности Анны Иоанновны больше не говорилось, но ее завещание, возводившее на трон Ивана VI, было объявлено не имеющим силы. Более того: согласно елизаветинскому манифесту мать Ивана VI Анна Леопольдовна незаконно присвоила себе регентство (хотя свергнутый ей регент Э. Бирон в манифесте не упоминается), а затем, благодаря интригам кабинет-министров М.Г. Головкина и А.И. Остермана, якобы замыслила сама стать императрицей в нарушение ранее принесенной собственному сыну присяги! [13. С. 543]

Наконец, в *коронационном манифесте* Елизаветы Петровны, напечатанном в ее коронационном альбоме, провиденциалистская риторика выдвинулась на первый план. Здесь Елизавета объявляла, что «полученная Нами превеликая и преславная сея монархии наследственная держава, есть дар, данный Нам от Царя, царствующих единого подающего и утверждающего Царские скиптры Бога» [14. С. 2–3]. На коронационных гравюрах Елизаветы присутствуют не только олимпийские боги, но и Юдифь с Деборой. Не менее интересны эмблемы на триумфальных арках. На Тверской арке присутствовало изображение руки, протянутой с небес и возлагающей корону на голову Елизаветы с надписью «Истинная государыня, яже не от земли но свыше имать венчаться» [Там же. С. 132]. А, например, на Китайгородской арке была изображена «статуа от Государя Императора ПЕТРА Великаго недоделанная» и возносящийся к небесам император, говорящий дочери: «Крепись и соверши» [Там же. С. 142].

На коронационной медали божественный Промысел, «изображенный на легком облаке», прикрывал Елизавету щитом и короновал ее. Перед Елизаветой была помещена «Любовь к Отечеству», а позади императрицы – «два столпа великолепного трона», с именами родителей Елизаветы – Петра и Екатерины. Было здесь и восходящее солнце, которое символизировало процветание России, грядущее с воцарением Елизаветы. Надпись на медали «Промысл Божий чрез верных подданных» отсылала к формулировкам краткого манифеста. Золотые и серебряные жетоны были проще по исполнению и подобных отсылок не содержали: на них была изображена «корона из облака светом и лучами освещаемая» с надписью «От Вышняго благодать» [14. С. 93–94]. Визуальный канон прославлял императрицу [15. С. 132], подобную одновременно своим славным родителям, святым и божеству.

Как видим, обоснование елизаветинской легитимности претерпело следующие трансформации: вначале речь шла о желании подданных (с акцентом на роли гвардии), затем на передний план выдвинулось екатерининское завещание, формально-юридическая законность. Но, как справедливо отмечает Е.В. Анисимов, завещание это (напечатанное в составе манифеста о восшествии на трон Петра II в 1727 г. при одновременном изъятии у населения экземпляров петровского манифеста 3 февраля 1718 г., отрешавшего царевича Алексея от наследования, и Устава о престолонаследии 1722 г.) вовсе не давало Елизавете сильной легитимации: по нормам завещания выходил

ло, что наследовать трон должна не Елизавета, а сын Анны Петровны – Карл-Петер-Ульрих Гольштейн-Готторпский, будущий Петр III [16. С. 143]. И уже в коронационном альбоме императрицы превалирующей оказалась другая концепция легитимности – *божественное избрание*. Но легитимация власти Елизаветы не сводилась только к манифестам и церемониям. Важнейшую роль в легитимации новой императрицы играла верхушка церковной иерархии.

Первым среди придворных проповедников елизаветинской поры следует назвать архиепископа Новгородского и Великолуцкого Амвросия (Юшкевича), выпускника Киево-Могилянской академии и обладателя обширной библиотеки в 358 наименований [17. С. 18]. Именно ему принадлежала одна из первых проповедей, посвященных оправданию восшествия новой царицы на трон – «Слово в высочайший день рождения благочестивейшего самодержавнейшего великия государыни нашей императрицы Елисаветы Петровны» (1741).

Здесь Амвросий говорил о божественном воцарении Елизаветы. Конечно, Елизавета имела основания занять трон по наследству: «Известно есть не токмо Всероссийской империи, но и всему свету, что еще по кончине блаженная памяти императора Петра Второго, тебе, яко дщери законной обоих коронованных родителей твоих, наследие всероссийского престола надлежало». Но затем «за наши грехи и беззакония послал Бог недобросовестных человеков, которые, презрев всего отечества нашего общую пользу для своей богоненавистной корысти, сделали препятствие к законному восприятию престола всероссийского тебе, всеавгустейшая монархия наша!» Однако «что Бог вечный определил неперменными своими судьбами, того никто, ни самый ад, со всеми крайними своими силами, не мог и не может переменить и тому воспрепятствовать» [18. С. 6]. Несмотря на все козни злодеев Бог определил российский престол Елизавете с самого ее рождения. В качестве доказательства Амвросий отмечает: «Ибо ежели посмотрим на все законы, то есть на естественный, гражданский и божественный, по которым наследие твердо и непременно потомкам остается, тех всех существенные свойства, даже до последней черты, в наследии империи Всероссийския ея императорского величества имеются. Рождена ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО от обоих коронованных лиц, от обоих законовладельных Самодержавных Героев и Монархов, которые не только по прерогативам своего Самодержавия, но и по самым своим неслышанным к отечеству заслугам имели истинный закон вечно со всеми своими Высочайшими Потомками престол российский наследовать» [Там же. С. 7].

Интересно, что Амвросий здесь говорит о наследовании по происхождению и – в отличие от официального манифеста! – не ссылается на завещание Екатерины I. Вместо этого он говорит (со ссылкой на главу 27 книги Чисел) о том, что по «естественному, гражданскому и божественному» закону наследовать при отсутствии сына должна дочь [18. С. 10]. Кроме того, Амвросий сравнивает Елизавету с Юдифью, отдавая, впрочем, предпочтение российской царице, поскольку Юдифь побеждала внешних врагов, тогда

как Елизавета – внутренних, а «враг внутренний и сокровенный есть страшнейший». Под видом заботы об Отечестве эти враги разоряли Россию, расхищали и разрушали наследие Петра Великого. Но Бог сокрушил этих «разорителей Отечества» через новую Юдифь – Елизавету. Законность царствования дочери Петра и Екатерины определяется не только правом наследования, но и экстраординарными достоинствами царственной четы; основание для наследования – благодарность, а не право. Те же «безбожники», которые ссылаются на «фортуны и случай», по суровому выражению Амвросия, «блядословят»: «Говорит Бог явственно “Аз”, не фортуна, не случай, не народ Израильский, но Я, который небом и землею владею, и которого есть вселенная и исполнение ея, поставил тебе, Давид, царем над Израилем» [18. С. 14]. А как же действия подданных, о которых говорилось в манифестах Елизаветы? Противоречие здесь кажущееся: тоpos «народного желания» оставался фиктивным и не отсылал ни к какому юридическому решению. В этом смысле глас народа – глас Божий, и легитимационная литература XVIII в. удивительным образом оказывается близка к идеям книжников начала XVII в. Избрание, однако, не является исключительным основанием для воцарения законной государыни – оно лишь объясняет его механику. Но к *истинности* Елизаветы как государыни народное «желание» отношения не имеет: сам Бог по ее рождению определил ей царство задолго до событий 1741 г.

Аналогичные темы архиепископ Амвросий развивал и в слове на «вшествие» Елизаветы Петровны в Москву во время коронационных торжеств 1742 г. (эта проповедь была включена в официальный коронационный альбом). Карая Россию за грехи, Господь отнял у нее «блаженные памяти ПЕТРА Второго, первого же Внука Императора ПЕТРА Великого», и обрушил на страну множество бедствий; теперь россиянам следует повиноваться новой императрице и уклоняться от «грехов и беззаконий», не только чтобы отблагодарить Елизавету за ее «труды и подвиги», но и чтобы вновь не навлечь на себя кару Провидения. Амвросий не только охотно использовал метафору воплощения, но и обыграл ее с изяществом: если Елизавета Петровна – воплощение Петра Великого, то наследник Петр Федорович – воплощение Петра II, который совсем неспроста был упомянут в начале проповеди: «К тому ж еще буди благодарна дивному промыслу Божию, который на тебе Бог милосердный явственно и чувственно показывает, когда на место ПЕТРА Второго, первого же Внука блаженных памяти Императора ПЕТРА Великого, послал тебе второго Внука тем же именем и такими ж добродетельми сияющего» [14. С. 14]. Амвросий следовал за формулами завещания Екатерины I, выстраивая династическую линию: Петр I (и Екатерина) – Петр II – Елизавета – будущий Петр III.

О Елизавете как воплощении Петра Амвросий говорил и в «кратком поздравлении», произнесенном сразу после церемонии коронации: «Едва ли ПЕТР, возлюбленный Родитель Твой, не заслужил такового благополучия, дабы в Тебе, вседражайшей Дщери своей, красоте и славе Российской, и жил, и побеж-

дал, и царствовал бесконечно» [14. С. 62]. Здесь вновь упоминались «героичные дела» императрицы и одержанная над врагами «неслыханная виктория», используются солярные метафоры («светило сие чудесное в теле девическом сияющее»). Хотя Екатерина I и не упоминалась Амвросием, в «кратком поздравлении» в ход пошли аналогичные приемы: в «девической душе» Елизаветы можно видеть «непобедимое мужество, сердце героическое» и все военные доблести, отсылающие к описаниям мужества Екатерины, созданным когда-то Феофаном (Прокоповичем) [15. С. 143]. Однако у Елизаветы не было своего Прутского похода, и Амвросию пришлось силой красноречия превратить в военный подвиг... захват власти в ночь с 24 на 25 ноября 1741 г.: «И кое ж большее может быть великодушие как сие: забыть деликатного своего полу, пойти в малой компании на очевидное здравия своего опасение, не жалеть за целость веры и отечества последней капли крови, быть вождем и Кавалером воинства, собирать верное салдатство, заводить шеренги, идти грудью против неприятеля, и сидящих в гнезде орла Российского, nocturnых сов и нетопырей мыслящих злое государству, прочь выпужать» [14. С. 64–65]. Кроме того, Амвросий сравнил «непобедимую героиню» Елизавету с «увенчанным победою» Христом.

В этом лестном сравнении Амвросий не был первым. Раньше него Елизавету уподобил Христу московский епископ Платон (Малиновский) в проповеди 1741 г., посвященной дню рождения Елизаветы. Подобно Христу, спасшему мир, Елизавета избавила Россию «от многих бед и злключений» [19. С. 3]; посреди «ночи безбожия» и «еретического зловерия» Провидение явило недостойным россиянам милость и возвело на трон Елизавету [Там же. С. 10–12]. Проповедь завершалась обращением к Елизавете, в котором Платон отмежевался от любых юридических формулировок, недвусмысленно указывая на абсолютную истинность Елизаветы как избранницы Божьей: «От века предизбранный ты Бог, и от чрева матерна предопределивый родиться во спасение наше, от временных бед, и благоизволивый счастливо царствовать над нами» [Там же. С. 13].

Карельский епископ Маркелл (Родышевский) использовал сходные категории в проповеди, произнесенной 26 декабря 1741 г. по случаю праздника рождения. Опираясь на прекрасно известный слушателям сюжет о рождении, Маркелл выстроил впечатляющую политическую аналогию: подобно тому, как сын Божий родился «в самом убогом вертепе», страдая от холода, так и «истинная по природе своей императрица» страдала, видя свое государство в чужих руках: «Не сносно сие воистину, не токмо самодержавному и превысочайшему лицу, но и последней самой кондиции людям, в доме своем сущем не имети и места. Люто и весьма печально смотрети на свой сущий дом, еще и расхищаемый и опустошаемый, а от него изгонимыми быти» [20. С. 8–9]. Подобно другим проповедникам, Маркелл говорит о страданиях России под властью иностранных врагов, вознамерившихся разрушить все построенное Петром Великим и истребить его учеников (сам Маркелл действительно пострадал

от преследований в годы царствования Анны Иоанновны), и прославляет бескровный переворот: Божьей милостью Елизавета «избила враги своя без оружия, восприяла и наследие свое без брани, и исполнила неизреченныя радости сердца всех своих подданных» [20. С. 10].

Иеромонах Порфирий (Крайский), знаменитый преподаватель риторики Славяно-Греко-Латинской академии, в придворной проповеди 16 апреля 1742 г. (за 9 дней до коронации Елизаветы Петровны) говорил о страданиях России и о том, как Провидение спасло россиян от несчастья, вознеся на трон дочь Петра Великого и Екатерины, восстановившую пошатнувшееся благочестие [21. С. 20–22]. Однако более развернуто Порфирий коснулся истории о воцарении Елизаветы в другой проповеди, произнесенной в 1749 г. (к этому времени он уже был епископом Суздальским) и посвященной дню восшествия Елизаветы на престол. Он воспроизводит сложившийся канон, описывая восшествие Елизаветы на трон как торжество истинной монархии, которой «по всем правам Государственным давно уже принадлежала Корона Всероссийская», и одновременно – как возрождение наследия Петра из забвения [22. С. 8–9]. Основная часть проповеди была посвящена описанию того, как Петр трудился «о общем добре Всероссийском, нещадя своего здравия», создав из ничего армию, флот, города, науки и искусства. Неблагодарная Россия позабыла о петровском наследии, и власть «по неиспытанным судьбам Божиим» досталась «чужим рукам», от которых нечего было ожидать добра России и православной церкви [Там же. С. 11]. Но Россия спаслась благодаря милости Всевышнего: «Он давно уже утвердил и написал в книгах своих не писалом человеческим, но перстом вседержавных руки своя, вливает собственные духи, движет и возбуждает сердца неких верных подданных, возводит сам Сию преславно на Родительский и Прародительский престол Всероссийский» [Там же. С. 17]. Порфирий подчеркивает, что короны Бог дает тем, кого избрал с рождения и предуготовил к высокой участи через многочисленные испытания «веры сердец их» [Там же. С. 14].

Серию политических проповедей 1742 г. завершила речь диакона Петропавловского собора Алексея (Флорова), произнесенная в придворной церкви 18 декабря 1742 г. и посвященная дню рождения императрицы. Оратор упоминает добродетели Елизаветы, в частности, ее «терпение и крепкое на Бога упование». Страдания Елизаветы диакон Алексей уподобляет страданиям Давида, а ее смирение – смирению пророка Самуила перед гонениями со стороны Саула: «Тако и наша долготерпеливая и великодушная героиня уповая крепко на Бога, что Бог врагом ея еще не зде, то в будущем веке воздаст по делом их, сама же еще и могла, обаче не творила отмщения никакого» [23. С. 10].

Легитимационная стратегия Елизаветы, разработанная в политической проповеди 1741–1742 гг., использовалась и в последующие годы. К примеру, соответствующие риторические ходы присутствуют в проповеди епископа Костромского и Галицкого Сильвестра (Кулябки), произнесенной 25 ноября 1745 г. в

честь дня восшествия Елизаветы на трон. Сильвестр, как и другие иерархи, подчеркивал, что Елизавета была легитимной монархиней с момента рождения. Поместив рядом с историей о Елизавете библейские примеры Моисея, Давида, Саула, Аарона и других, Сильвестр заключал: «В таковом смотреии царский чин у Бога! так прилежно избирает Бог, кому бы люди свои вруčiti! еще во утробах матерних не суть, а уже скипетры приемлют» [24. С. 7]. Интересно, что проповедник проигнорировал здесь не только короткое царствование Петра II, но и правление матери Елизаветы, Екатерины I: по его словам, Елизавета после своего великого отца «сама нам осталась и ПЕТР, сама и ПЕТРОВНА» [Там же. С. 10].

Еще один видный церковный оратор, епископ Псковский и Нарвский Симон (Тодорский), в проповеди 1747 г. также указывал на божественный характер не только власти монарха, но и его восшествия на трон, рассуждая о «званиях» и «должностях» людей – Бог, подобно мудрому монарху, «посылает нас рождением нашим в мир сей в великий дом свой <...> единых на власть, других под власть, иных повелевати, иных же точию повеленное исполняти». А если по «внешнему званию» Бог поступает с нами неравно, то это «не по злобе какой, еже и помыслити на Бога безстудно есть, но по непостижимым судбам своим: толико на всякого возлагая тяжести, колико силы понести могут» [25. С. 8]. Отсюда Симон переходит к примеру Елизаветы, которая, претерпев множество тягот, не роптала; и уповала на Бога. Симон говорит о жертвенном подвиге Елизаветы, не забыв назвать императрицу «новой Юдифью»: «Увидела смущающуюся церковь Божию, увидела колеблющееся благочестие, увидела истощающееся отечество, помыслила же купно, яко всего того Бог взыщет от рук ЕЯ, яко правильной по завету доблестных родителей наследницы престола всероссийского, и абе возревновала почести Бога создателя своего и церкви его святой, возревновала по отечествии своем, единою точию вооружившись молитвою Новая Сия Иудифь, толикое спасительное всему свету известное в едином часу и начала и совершила дело, хотя и не без крайней опасности дражайшая жизни своя <...> О колико благополучны есмы Россияне! Не себе, но нам родившуюся, последовательно же не своя, но наша пользы ищущую монархиню, или паче Матерь от Бога стяжавши» [Там же. С. 19–20].

Показательным является упоминание Юдифи (попадающей, как мы отметили выше, и на коронационных эмблемах). Юдифь стала одним из значимых библейских образов, поддерживавших легитимность царицы. Так, она упоминается в пространном панегирике «Благоутробие Марка Аврелия Антонина кесаря римского», который был составлен иеромонахом Михаилом (Козачинским) в честь визита Елизаветы Петровны в Киев в 1744 г. и издан в следующем, 1745 г. Собственно диалог «Благоутробие Марка Аврелия» занимает лишь часть издания; помимо диалога, в книгу входят разнообразные панегирики, канты и песни, сочиненные Михаилом и исполнявшиеся учащимися Киево-Могилянской академии во время визита царицы. Здесь – среди прочих лестных сравнений – Елиза-

вета дважды сравнивается с Юдифью, в одном случае из-за красоты, а в другом – из-за доблести: «Се ти Юдифь, повестей достойная славных, // Яже всех олофернов сотвори безглавных» [26. С. 3, 19]. Как видим, это сравнение оказалось чрезвычайно важным для церковных авторов – его использовали, наряду с Михаилом (Козачинским), упомянутые выше Амвросий (Юшкевич), Симон (Тодорский), Алексей (Флоров).

Осмысление политического в категориях религии, как видим, не потеряло своего значения к середине XVIII в. Набравшая стремительный ход вестернизация России не вытесняла религиозный дискурс на периферию, а, напротив, подпитывала его. В частности, разработанная при Елизавете усилиями церковных иерархов политическая идеология легитимации «дщери Петровой» своеобразно сочетала религиозную традицию, веяния барочного католицизма (транслированные через Киев) и сугубо российские новации, вытекавшие из развернувшегося с конца XVII в. процесса вестернизации. Данная идеология опиралась на четыре основные системы аргументации.

Во-первых, политическое богословие елизаветинской эпохи презентовало воцарение Елизаветы как акт божественного промысла, спасший Россию от гибели в «нощи безбожия». Церковные проповедники старались подчеркнуть исключительную легитимность новой императрицы, и это придавало новые черты начавшему складываться ранее политическому языку провиденциального монархизма, который теперь в еще большей степени подчеркивал экстраординарные, божественные качества императора-демиурга и одновременно – прямое вмешательство Провидения в ход событий, избрание монарха на трон «от рождения».

Во-вторых, описание воцарения Елизаветы в придворной проповеди активно использовало мотив *жертвенности*. Этот мотив, возникший еще в литературе о Петре (которому не жалко было пожертвовать жизнью за Отечество) и Екатерине (которая, подобно Христовой невесте, пожертвовала всем ради своего коронованного супруга в Прутском походе [27. Р. 150–151]), теперь был использован заново – проповедники елизаветинской поры охотно обращались к интеллектуальному наследию петровской эры [7. С. 49]. Дворцовый переворот превратился в героическое предприятие, а сама Елизавета – в героиню, подобную своим родителям.

В-третьих, проповедники по большей части игнорировали юридический нарратив о воцарении Елизаветы. Они подчеркивали божественный характер воцарения: как с помощью упомянутого выше мотива жертвенности, представляющего теперь в качестве механики *чуда*, так и с помощью ссылок на божественное избрание Елизаветы «от рождения» (здесь провиденциальная легитимность смыкалась с династической). К легитимации воцарения Елизаветы через завещание Екатерины I проповедники не проявляли интереса, и можно сказать, что в политическом богословии елизаветинской эпохи эта тема распространения не получила.

В-четвертых, политическая проповедь использовала риторику *воплощения*, опиравшуюся на своеобразный культ Петра. Используя уже сложившиеся паттерны для описания Петра как творца новой России, проповедники осмыслили переход власти к потомству

Иоанна Алексеевича как отход от заветов демиурга, как пренебрежение великим петровским наследием. Но воцарение Елизаветы описывалось не только как восстановление верного петровского политического курса! Воцарившаяся Елизавета одновременно возрождала Петра, оказывалась его воплощением; подобная риторика, скомбинированная с мотивами жертвенности и героизма, позволяла описать Елизавету с помощью авторитетных сравнений – как героиню, новую Юдифь, и как богоподобную государыню, вплоть до риторического сравнения с Христом.

Комбинация этих связанных между собой интеллектуальных стратегий определяла облик политической теологии елизаветинской эпохи, а вместе с ней – и всей политической культуры того времени. Можно утверждать, что в развитии представлений о монархии в России Нового времени елизаветинское царствование с его опытом дворцового переворота сыграло ключевую роль – ответом на кризис стало интенсивное использование концепции божественного происхождения власти с опорой на рассмотренные выше модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3, вып. 2. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1903. 248 с.
2. Летняков Д.Э. Очерки истории русской политической мысли. М. : Летний сад, 2012. 176 с.
3. Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России. М. : Юрист, 2003. 415 с.
4. Цыганов В.И., Шлыков В.А. Легитимность верховной власти российского самодержавия в конце XVIII – первой половине XIX века // Вестник Нижегородского государственного университета. 2013. № 5–1. С. 301–305.
5. Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М. : Гнозис, 1994. Т. 1. С. 235–337.
6. Кагарлицкий Ю.В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влияния имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/kagarli.html> (дата обращения: 01.06.2018).
7. Кислова Е.И. Мать в эпоху дочери: Екатерина I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. III. Филология. 2014. № 3 (38). С. 36–50.
8. Okenfuss M. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill, 1995. 290 p.
9. Закржевский А.Г. Национальная и западноевропейская культурные традиции в среде высшего духовенства в первые десятилетия «синодального правления» // Филаретовский альманах. 2015. № 11. С. 86–92.
10. Кислова Е.И. Издание придворных проповедей в 1740-е годы // XVIII век. Сборник 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб. : Наука, 2011. С. 52–72.
11. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань : П.А. Трибунский, 2003. 570 с.
12. Петров А.В. Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741–1742 гг. («Мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII в.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 31. С. 152–161.
13. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XI. 1740–1743. СПб. : Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. 988 с.
14. Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования Ея Августейшего Императорского Величества всепресветлейших державнейших великих государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы Всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб. : Типография Академии наук, 1744. 168 с.
15. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Том 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М. : ОГИ, 2004. 597 с.
16. Анисимов Е.В. Афродита у власти: Царствование Елизаветы Петровны. М. : АСТ : Астрель, 2010. 608 с.
17. Григорьева И.Л., Салоников Н.В. История библиотеки Новгородской духовной семинарии: 1706–1925 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 53. С. 16–19.
18. Амвросий (Юшкевич). Слово в высочайший день рождения благочестивейших самодержавнейших великих государыни нашей императрицы Елисаветы Петровны всея России декабря 18 дня, 1741 года. СПб. : Акад. наук, 1741. 16 с.
19. Маркелл (Родышевский). Слово на день Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб. : Имп. Акад. наук, 1742. 12 с.
20. Платон (Малиновский). Слово в день рождения Ея Императорского Величества. М. : Моск. тип., 1752. 7 с.
21. Порфирий (Крайский). Слово в великий пяток, на страсти господа нашего Иисуса Христа. М. : Моск. тип., 1742. 12 с.
22. Порфирий (Крайский). Слово в высокоторжественный день вступления на всероссийский престол Ея Императорского Величества благочестивейших великих государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы Всероссийской. М. : Моск. тип., 1750. 11 с.
23. Алексей (Флоров). Слово на высокоторжественный день рождения ея императорского величества всепресветлейших и самодержавнейших великих государыни первая императрицы матери всемилостивейших Елисаветы Петровны. СПб. : Имп. Акад. наук, 1743. 15 с.
24. Сильвестр (Кулябка). Святейший и всерадостный сущими сынами Российскими долго от Бога исканный, а прежде четырех лет от егоже Отца всякия утехи возсиявший, на наследный Родительский Престол Возшествия, Благочестивейших Самодержавнейших Великих Государыни Нашей Императрицы Елисаветы Петровны всея России день. М. : Моск. тип., 1746. 8 с.
25. Симон (Тодорский). Слово в день высочайшего рождения благочестивейших Самодержавнейших Великих Государыни Нашей Императрицы Елисаветы Петровны всея России. М. : Синод. типография, 1747. 12 с.
26. Благоутробие Марка Аврелия кесаря римского. Диалог с прологом и эпилогом. Киев : [б/и], 1745. 39 с.
27. Marker G. Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2007. 309 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2018 г.

“POLITICAL THEOLOGY” IN ELIZAVETA’S AGE: LEGITIMATION OF ELIZAVETA PETROVNA’S POWER IN COURT SERMONS OF THE 1740S–1750S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 131–138.

DOI: 10.17223/15617793/436/15

Konstantin D. Bugrov, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Keywords: Russian Empire; sermon; monarchism; absolutism; Elizaveta Petrovna.

The article deals with the ideology of legitimation of Elizaveta Petrovna, Empress of Russia, that was formed through the efforts of the hierarchs of Russian Orthodox church and court sermonizers in the 1740s–1750s. Though the middle of 18th century is widely considered to be the age of secularization in Russia, in fact, the religious ways of thinking and speaking about politics remained quite important. During the first decade of Elizaveta's rule, the number of printed sermons increased greatly, which mirrored the attempts of the new government to use "political theology" as an ideology for legitimation. The aim of the article is to reconstruct the main concepts and strategies of Elizaveta's "political theology" in order to improve our understanding of the political culture of 18th century Russia. The sources of the study are the complex of political sermons that were delivered at the imperial court by different authors in the 1740s–1750s; all of them were printed as separate books. The leading proponents of "political theology" under Elizaveta were such church sermonizers as Amvrosii (Yushkevich), Silvestr (Kulyabka), Porfirii (Kraiskiy), Simon (Todorskiy), Platon (Malinovskiy), Markell (Rodyshechskiy), Alexey (Florov), Mikhail (Kozachinskiy). The ascension manifestos of Elizaveta combined different arguments in favor of legitimacy of the daughter of Peter the Great (testament of Catherine I, dynastic legitimacy, general desire of subjects, God's will), the theological approach to the legitimacy of Elizaveta soon became dominant with the efforts of the above-mentioned sermonizers. The court preachers were elaborating a new political language, based upon the Biblical analogies, presenting Elizaveta as new Judith or Deborah, and even comparing her to Jesus Christ. The same line of visual images was used to decorate the solemn entrance of the new empress to Moscow. The preachers were emphasizing the providential character of Elizaveta's ascension to power, while leaving all kinds of juridical legitimation (like the testament of Catherine I) almost totally neglected. In general, these sermons and panegyrics exploited four main strategies of legitimation of the power of the new empress: the providential origin of her power, the motif of sacrifice, the understanding of a palace coup as a miracle, and the Petrine cult and the rhetorical figure of embodiment (Elizaveta as a new Peter). This political ideology was peculiar, combined the religious tradition, the concepts of Baroque Catholicism (translated through Kiev) and the Russian innovations derived from the Westernization process.

REFERENCES

1. Milyukov, P.N. (1903) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. Pt. 3. Is. 2. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
2. Letnyakov, D.E. (2012) *Ocherki istorii russkoy politicheskoy mysli* [Essays on the history of Russian political thought]. Moscow: Letniy sad.
3. Isaev, I.A. & Zolotukhina, N.M. (2003) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy Rossii* [History of political and legal doctrines of Russia]. Moscow: Yurist.
4. Tsyganov, V.I. & Shlykov, V.A. (2013) The legitimacy of the supreme authority of Russian autocracy in the late 18th – first half of the 19th century. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 5–1. pp. 301–305. (In Russian).
5. Uspenskiy, B.A. & Zhivov, V.M. (1994) Tsar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii [Tsar and god Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia]. In: Uspenskiy, B.A. *Izbrannye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury: v 2 t.* [Selected Works. Semiotics history. Semiotics of culture: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Gnozis.
6. Kagarlitskiy, Yu.V. (1999) Sakralizatsiya kak priem: resursy ubeditel'nosti i vliyatel'nosti imperskogo diskursa v Rossii XVIII veka [Sacralization as a technique: resources of persuasiveness and influence of imperial discourse in Russia of the 18th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 38. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/kagarli.html>. (Accessed: 01.06.2018).
7. Kislova, E.I. (2014) The Mother in the Era of the Daughter. Catherine I in Ecclesiastical Panegyrics of the Elizabethan Era. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. III. Filologiya*. 3 (38). pp. 36–50. (In Russian).
8. Okenfuss, M. (1995) *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia*. Leiden; New York; Koln: E. J. Brill.
9. Zakrzhevskiy, A.G. (2015) The national and western European cultural tradition in the life of higher Orthodox clergy in the early decades of the "Synodal Epoch". *Filaretovskiy al'manakh*. 11. pp. 86–92. (In Russian).
10. Kislova, E.I. (2011) Izdanie pridvornykh propovedey v 1740-e gody [Publication of court sermons in the 1740s]. In: Kochetkova, N.D. (ed.) *XVIII vek. Sbornik 26. Staroe i novoe v russkom literaturnom soznanii XVIII veka* [18th century. Collection 26. The old and the new in the Russian literary consciousness of the 18th century]. St. Petersburg: Nauka.
11. Kurukin, I.V. (2003) *Epokha "dvorskikh bur'": Ocherki politicheskoy istorii poslepetrovskoy Rossii, 1725–1762 gg.* [The Epoch of "Court Storms": Essays on the Political History of Post-Petrine Russia, 1725–1762]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.
12. Petrov, A.V. (2011) Mythological and political formulae in manifestoes and odes of 1741–1742 ("Mythology of the Power" in political and literary cultures in Russia of the 18th century). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 31. pp. 152–161. (In Russian).
13. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. XI. 1740–1743. St. Petersburg: Tip. II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
14. Anon. (1744) *Obstoyatel'noe opisaniye torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnogo vshestviya v tsarstvuyushchiy grad Moskvu i svyashchennyeyshego koronovaniya Eya Avgusteyshogo Imperatorskogo Velichestva vsepresvetleyshiya derzhavneyshiya velikiya gosudaryni imperatritsy Elisavety Petrovny samoderzhitsy Vserossiyskoy, ezhe byst' vshestvie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda* [A detailed description of the solemn order of the safe entry into the ruling city of Moscow and the most sacred coronation of Her Imperial Majesty, Great Empress Elizaveta Petrovna of Russia, the entry to be on February 28, the crowning on April 25, 1742]. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk.
15. Wortman, R. (2004) *Ssenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of Power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Vol. 1. Moscow: OGI.
16. Anisimov, E.V. (2010) *Afrodita u vlasti: Tsarstvovanie Elizavety Petrovny* [Aphrodite in power: The reign of Elizaveta Petrovna]. Moscow: AST: Astrel'.
17. Grigor'eva, I.L. & Salonikov, N.V. (2009) *Istoriya biblioteki Novgorodskoy dukhovnoy seminarii: 1706–1925 gg.* [History of the Novgorod Theological Seminary Library: 1706–1925]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NovSU*. 53. pp. 16–19.
18. Amvrosiy (Yushkevich). (1741) *Slovo v vysochayshiy den' rozhdeniya blagochesteivshiya samoderzhavneyshiya velikiya gosudaryni nashey imperatritsy Elisavety Petrovny vseya Rossii dekabrya 18 dnya, 1741 goda* [A word on the highest birthday of the piety of the autocratic great empresses of our empress Elizabeth Petrovna of All Russia on December 18, 1741]. St. Petersburg: Akad. nauk.
19. Markell (Rodyshevskiy). (1742) *Slovo na den' Rozhdestva Gospoda Boga i Spasa nashego Iisusa Khrista* [Word on the day of the Nativity of God and our Savior Jesus Christ]. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk.
20. Platon (Malinovskiy). (1752) *Slovo v den' rozhdeniya Eya Imperatorskago Velichestva* [Word on the birthday of Her Imperial Majesty]. Moscow: Mosk. tip.
21. Porfiriy (Kraiskiy). (1742) *Slovo v velikiy pyatok, na strasti gospoda nashego Iisusa Khrista* [A word on great Friday, on the passion of our Lord Jesus Christ]. Moscow: Mosk. tip. Porfiriy (Kraiskiy). (1750) *Slovo v vysokotorzhestvennyy den' vstupleniya na vserossiyskiy prestol Eya Imperatorskago Velichestva blagochesteivshiya velikiya gosudaryni imperatritsy Elisavety Petrovny samoderzhitsy Vserossiyskiya* [A word on the highest day of the accession to the All-Russian throne of Her Imperial Majesty Great Sovereign Empress Elizaveta Petrovna, the autocrat of all Russia]. Moscow: Mosk. tip.

23. Aleksey (Florov). (1743) *Slovo na vysokotorzhestvennyy den' rozhdeniya eya imperatorskago velichestva vsepresvetleyshiya i samoderzhavneyshiya velikiya gosudaryni pervyya imperatritsy materi vseilostiveyshiya Elisavety Petrovny* [A word to the highly celebrated birthday of her imperial majesty, all the most luminous and autocratic great sovereign of the first empress all-merciful Elisabeth Petrovna]. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk.
24. Sil'vestr (Kulyabka). (1746) *Svyatyy i vseradostnyy sushchimi synami Rossiyskimi dolgo ot Boga iskanny, a prezhe chetyrekh let ot egozhe Ottsa vsyakiya utekhi vozsiyavshiy, na naslednyy Roditel'skiy Prestol Vozshestviya, Blagochestiveyshiya Samoderzhavneyshiya Velikiya Gosudaryni Nasheya Imperatritsy Elisavety Petrovny vseya Rossii den'* [The holy and joyful day of the crowning of Great Empress Elisabeth Petrovna of all Russia]. Moscow: Mosk. tip.
25. Simon (Todorskiy). (1747) *Slovo v den' vysochayshago rozhdeniya blagochestiveyshiya Samoderzhavneyshiya Velikiya Gosudaryni Nasheya Imperatritsy Elisavety Petrovny vseya Rossii* [Word on the day of the highest birth of the pious Autocratic Great Empress Elizaveta Petrovna of All Russia]. Moscow: Sinod. tipografiya.
26. Anon. (1745) *Blagoutrobie Marka Avreliya kesarya rimskogo. Dialog s prologom i epilogom* [The grace of Marcus Aurelius, Caesar of Rome. Dialogue with the prologue and epilogue]. Kiev: [s.n.].
27. Marker, G. (2007) *Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Received: 16 October 2018